

Глава 18. Возвращение террора

*Был порядок, — говорят палачи,
Был достаток, — говорят палачи,
Дело сделал, — говорят палачи, —
И пожалуйста — сполна получи.
Александр Галич «Плясовая»*

Диктаторы, будьте бдительны

К концу войны Сталин физически устал: сказалось невероятное напряжение войны. После японской кампании он серьезно заболел. Он был подвержен депрессиям, срывам, всплескам эмоций и даже приступам ярости. Он нуждался в передышке, но для него передышки быть не могло. Вместе с ухудшением здоровья росла его подозрительность. Ему мерещились всевозможные заговоры.

В качестве новой формы контроля и управления были учреждены почерпнутые из дореволюционного опыта «суды чести», утвержденные постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 г. Это был внутриведомственный суд для чиновников, работавших в министерствах СССР и центральных ведомствах, предназначенный для содействия *«делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника»*. «Суды чести» стали инструментом нагнетания ксенофобии, подозрительности к Западу, шпиономании. Секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов, выступавший с оценкой деятельности «судов чести», заявил, что *«Центральный Комитет партии вскрыл пресмыкательство перед границей и раболепие со стороны бывшего начальника гидрометеорологической службы Федорова, выразившееся в том, что данные гидрометеорологических наблюдений оказались в руках у англичан и американцев, причем английские и американские разведчики распорядились в гидрометеорологической службе, как в своем собственном доме. Решением Совмина и ЦК Федоров снят с поста, лишен воинского звания генерал-лейтенанта и на днях над ним будет организован «Суд чести»»*. Примеров подобного рода можно привести немало. В министерстве сельского хозяйства обнаружили, что сотрудники переписываются с иностранцами и обсуждают с ними научные работы по селекции «однолетней люцерны», в министерстве путей сообщения оказалось, что один из сотрудников, профессор, имел неосторожность опубликовать математическую статью в американском журнале. Кузнецов отметил *«раболепие и низкопоклонство перед Западом»* в высших учебных заведениях страны, в Академии наук, в других министерствах и ведомствах, *«среди некоторой части нашей интеллигенции»*.

«Железный занавес», воздвигнутый с помощью «судов чести», перекрыл всякое общение деятелей культуры, науки, экономики с коллегами за рубежом, затормозил развитие интеллектуальной жизни страны, но дал работу непрерывно разрастающимся органам КГБ. Были организованы «спецчасти», «первые отделы», различные контрольные комиссии, глушители радиопередач, почтовые службы для

вскрытия зарубежной корреспонденции и т. п. Пахан перекрыл границы своей территории.

Вскоре после окончания войны начались перестановки в высшем эшелоне власти. Логика кадровых перемещений не всегда понятна. Партийное руководство, осудившее еще на X съезде групповщину и фракционность как самое тяжкое преступление против партии, было, тем не менее, фракционным. Группы внутри номенклатуры тщательно маскировались, но их взаимная борьба, нередко в подлинном смысле кровавая, иногда кажущаяся противоестественной, отличалась особой жестокостью. Бескомпромиссная борьба за власть и влияние происходила скрыто от страны и мира. Но ввиду отсутствия демократических механизмов разрешения конфликтов, таких, как проведение выборов или смена правящих партий, кремлевские конфликты носили характер средневековых дворцовых интриг, как это всегда бывает среди приближенных тирана с неограниченной властью.

Сталин пристально следил за всеми, кому поручал большую власть и высокие посты, проверял, помнят ли они, кто тут «хозяин», не останавливаясь перед прямым сраиванием соперников. Карательные службы, все нити управления МВД и МГБ, Сталин стремился до последнего момента удерживать в своих руках. Полностью он не доверял никому. Он вдруг отдалил от себя и лишил доверия — вплоть до того, что им стал угрожать арест — таких людей, как Молотов, Берия, Ворошилов, Микоян, Каганович, с которыми работал десятилетия. В марте 1949 года произведены замены руководителей основных министерств. На посту министра иностранных дел Молотова сменил Вышинский. Министром обороны вместо Булганина стал маршал Василевский, министром внешней торговли вместо Микояна назначен Михаил Меньшиков. Все снятые министры были из старой сталинской гвардии. Их Сталин сделал заместителями премьер-министра. Однако ни один из них не мог чувствовать себя в безопасности. Были в разное время арестованы жены Молотова, Калинина и Поскребышева. В 1949—1950 годах произведены казни высокопоставленных деятелей партии — по так называемому ленинградскому делу. В сентябре 1950 года Военная коллегия Верховного суда приговорила Вознесенского, Кузнецова, Родионова к смертной казни за «измену». Началась кампания против западного влияния («космополитизма»), повлекшая осуждение многих представителей интеллигенции, особенно еврейского происхождения «как безродных космополитов». Потом был «заговор врачей».

В годы войны власть в стране принадлежала Государственному Комитету Оборона. Сталин, объединивший непосредственно перед войной посты председателя Совнаркома (главы правительства) и секретаря ЦК ВКП(б), практически игнорировал деятельность высших органов партии. На много лет прекратились созывы съездов партии: XVIII съезд состоялся в 1939 г., следующий — XIX — только в 1952 г.); только один раз за время войны (в 1944 г.) собирался пленум ЦК ВКП(б), заседания Политбюро носили случайный характер, а решения высшего государственного руководства позже оформлялись как постановления Политбюро. Свидетельством повышения роли государственного аппарата в системе власти СССР стало преобразование Совета народных комиссаров СССР в Совет Министров СССР, а совнаркомов союзных и автономных республик — в советы министров республик.

Осторожная суэта у трона дряхлеющего вождя началась почти сразу после войны. Сталин старел. Возраст брал свое и, как показывает журнал записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете, круг его встреч стал сужаться. Если в 1940 г., судя по журналу, он встретился с двумя тысячами посетителей, то в 1950 г. их около семисот, а в 1951 и 1952 гг. — менее пятисот за год. Он месяцами не появлялся в кремлевском кабинете; в 1950 г. он не принимал посетителей около пяти месяцев. Особое положение в партийной иерархии занимали Маленков и Жданов. Их же рассматривали как вероятных преемников Сталина.

Георгий Максимилианович Маленков был ключевой фигурой в окружении Сталина. Партийный канцелярист, тихо и незаметно трудившийся в Орграспредотделе ЦК ВКП(б) под руководством начальника этого отдела Н. И. Ежова — он стал зловеще знаменит в 1937 г. В этом году он объездил многие области и республики СССР, проводя там пленумы по разоблачению «врагов народа» — в Ростове, Саратове, Туле, Тамбове, Ереване, Казани. По итогам его инспекций арестовано более 150 тысяч человек, по преимуществу — местного партийно-хозяйственного актива. Значительная часть этих людей расстреляна. В Ереване же началось непосредственное взаимодействие Маленкова с Берия.

Н. С. Хрущев вспоминает, что в 1938 г. Сталин предлагал «подкрепить» наркома внутренних дел Н. И. Ежова первым заместителем, и сам Ежов предложил на эту роль Маленкова. В прошлом, до назначения на должность наркома, кадровыми вопросами в ЦК занимался Ежов, и такое выдвижение человека из его аппарата вполне соответствовало партийной логике. По словам Хрущева, Сталин сказал Ежову: «Нет, Маленкова вам брать не стоит, потому что он сейчас заведует кадрами ЦК и тут нужнее». Заместителем Ежова стал Л. П. Берия, назначенный 22 августа 1938 г., а 25 ноября того же года Берия уже сменил его на посту наркома НКВД. Маленков же стал начальником управления кадрами ЦК ВКП(б) — с 1938 по 1946 г.

С Маленковым связана попытка осудить непосредственных исполнителей репрессий, выведя из-под критики их подлинных организаторов. Именно он выступил на январском (1938 г) Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям из ВКП(б) и о мерах по устранении этих недостатков». В замаскированной форме осуждались репрессии против коммунистов, «ежовщина» — как произвол карательных органов, вышедших из-под контроля партии. Разумеется, это ложь. Карательные органы не выходили из-под контроля аппарата ЦК ВКП(б), а Н. И. Ежов не противостоял партийному руководству. Но возможность направить недовольство репрессиями в другое русло, найти «козлов отпущения» среди примерных исполнителей была тогда опробована впервые.

18 марта 1946 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) резко расширен состав Оргбюро ЦК — с 9 до 15 человек. За место второго человека в партии в это время начали бороться две группировки — А. А. Жданова и Г. М. Маленкова. Маленков сохранил тесную связь с преемником Ежова — Л. П. Берия. На этом пленуме Маленков стал членом Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), то есть как Сталин и Жданов вошел в состав всех высших органов ВКП(б).

Однако две недели спустя Маленкову перестают посылать материалы для заседаний Совета Министров СССР. Четвертого мая 1946 г. после доклада Сталина Маленкова выводят из состава Политбюро, обвинив в некачественной приемке авиационной техники в годы войны, то есть в связи с «делом авиаторов». Шестого мая того же года его выводят из секретарей ЦК. То, что позиции Маленкова в ЦК и, что еще важнее — в глазах Сталина, — пошатнулись, было хорошо известно в МГБ. Следователи по этому делу Лихачев и Герасимов «выбивали» показания, направленные на компрометацию Маленкова, они говорили, что «дело закрутилось, и Маленков погорел».

Позже, во время работы Пленума ЦК КПСС в июле 1953 г., где рассматривалось дело Берия, А. А. Андреев вспоминал: «Берия знал, что товарищ Сталин целиком и полностью доверял товарищу Маленкову, считал его своим другом. И вот Берия нужно было подбить товарища Маленкова. Как настоящий провокатор, прикидываясь другом Маленкова, на самом деле он ловко состряпал дело Шахурина и Новикова. Это дело, безусловно, было сделано Берия». Хотя эти воспоминания имели явно направленный «обвинительный» характер против Берия, в данном случае они, похоже, соответствуют реальным фактам, поскольку ситуация весьма характерна для дворцовых интриг в Кремле. Несколькими годами позже, когда перед партийным судом окажется Маленков, на июньском Пленуме (1957 г.) он напомним, что он сам подвергнут допросам Берия, что «вместе с маршалом Новиковым выгнали и меня из секретарей ЦК».

Однако прогноз следователей МГБ СССР о крушении Маленкова, сделанный ими на основании показаний, выколотенных из руководителей авиации, оказался преждевременным. В 1948 году Маленкову удалось восстановить позиции в кремлевском руководстве. По политической логике того времени, это не могло не отразиться на положении его соперника — А. А. Жданова. Расстановка сил на вершине власти резко изменилась после неожиданной смерти А. А. Жданова. Смерть Жданова оказалась кстати Маленкову. Но тут, как назло, появился новый конкурент.

Н. А. Вознесенский, долгое время работавший председателем Госплана (с 1939 по 1949 гг.), был назначен первым заместителем председателя СНК, с 1946 года — первым заместителем председателя Совмина СССР, сочетая этот пост с постом председателя Госплана СССР. Н. А. Вознесенский отличался от большинства коллег в Совмине тем, что был ученым, имел степень доктора экономических наук, присвоенную ему еще в 1935 г. Талантливый экономист, он стал автором первого крупного научного исследования экономики СССР в годы войны. В 1947 г. Н. А. Вознесенский становится членом Политбюро. 29 марта 1948 г. принято постановление Совета Министров СССР: *«Председательство на заседаниях Бюро Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей председателя Совета Министров СССР тт. Маленкова и Вознесенского»*. Это было свидетельством полного доверия Сталина к Вознесенскому. Чего оно стоило, и на что способны «товарищи по работе» в кремлевских коридорах власти, наглядно демонстрирует казнь Вознесенского менее чем через два года.

Следом за Ждановым из Ленинграда в Москву был переведен А. А. Кузнецов, много лет проработавший в парторганизациях Ленинграда. Он занимал должности второго секретаря горкома и обкома (с 1937 по январь 1945 гг.). В январе 1945 г. он

назначен на пост первого секретаря Ленинградского горкома и обкома. Вскоре, в марте 1946 г., на Пленуме ЦК ВКП(б) он стал секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК ВКП(б). А. А. Кузнецов занял ключевой пост в аппарате ЦК, получив должность начальника Управления кадров ЦК КПСС. Он отвечал за партийный контроль над административными органами, министерствами внутренних дел и государственной безопасности, армией. Должность эта была влиятельной и опасной — как для курируемых им руководителей учреждений, так и для него самого.

Министерство государственной безопасности, возглавляемое В. С. Абакумовым, вело систематическую слежку за высшим руководством, периодически докладывая о наблюдениях Сталину, но эта информация в любой момент по воле Сталина не только могла быть обращена против жертвы, но и стать смертельно опасной для доносчика. Очевидно, что появление Кузнецова в аппарате ЦК — с его функциями контроля над репрессивными органами и юстицией — меняло расстановку сил вокруг Сталина. Кузнецов стал ключевой фигурой для той группировки в ЦК, которая усилилась, а отчасти и появилась там после войны. Именно в его период «кураторства» административных органов произошло избиевание высшего командного состава Советской Армии, преследование Еврейского антифашистского комитета, убийство Михоэлса.

Ленинградская «антипартийная» группа»

С марта 1948 г. Сталиным по существу официально утверждены два преемника — Вознесенский и Маленков. Каждый из них имел свой жизненный опыт: у первого — накопленный в сфере экономики, у второго — в партаппарате, Управлении кадров ЦК. Каждый не был новичком на Старой площади и в Кремле и знал тамошние порядки. К Вознесенскому был близок А. А. Кузнецов — секретарь ЦК, «курировавший» деятельность карательных органов, а Маленков многие годы сотрудничал с Берия — и в качестве начальника Управления кадров ЦК КПСС, и в качестве заместителя Берия в Совмине СССР.

После смерти Жданова некоторое время сохранялось влияние группы, во главе которой стоял Н. А. Вознесенский. Но борьба между ней и группой Маленкова—Берия усилилась. Как отмечается в официальных материалах Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями: *«Сталин в частных беседах высказывал предположения о том, что в качестве своего преемника по партийной линии он видел секретаря ЦК, члена Оргбюро А. А. Кузнецова, а по государственной линии — члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского»*. Конфликт между Кузнецовым и Маленковым вспыхнул еще в 1946 г. Кузнецов был одним из организаторов «дела авиаторов» и, как вспоминали позже сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) *«т. Кузнецов вскрыл целый ряд недостатков, допущенных Маленковым в руководстве управлением кадров и Министерством авиационной промышленности, и подвергал их заслуженной критике на собраниях аппарата ЦК ВКП(б)»*.

В июле 1948 г. Маленкова вновь избрали секретарем ЦК. Борьба между старым и новым начальниками Управления кадров ЦК вступила в новую фазу. Внешним и

явно надуманным поводом для преследования так называемой «ленинградской антипартийной группы» стало обвинение А. А. Кузнецова, председателя Совмина РСФСР М. И. Родионова и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома П. С. Попкова в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки. Обвинение необоснованное, так как Бюро Совмина СССР под председательством Г. М. Маленкова дважды принимало решение о проведении оптовых ярмарок для распродажи товарных излишков. Более серьезной причиной стало обвинение во фракционности, запрещенной в партии еще на X съезде и свирепо преследовавшейся Сталиным.

Маленков инспирировал обсуждение на Политбюро ЦК ВКП(б) вопроса «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. содержатся сведения о тесных связях руководства Ленинграда с работавшими в этом городе прежде Н. А. Вознесенским и А. А. Кузнецовым, о просьбе ленинградского секретаря, чтобы Вознесенский и Кузнецов «шефствовали» над городом. Постановление напоминало о тех временах, когда *«Зиновьев... пытался превратить Ленинградскую партийную организацию в опору своей антиленинской фракции»*.

В феврале 1949 г. в Ленинград послали Маленкова. Под борьбу группировок за власть подводилась идейная основа, устанавливалась преемственность с политическими процессами десятилетней давности. В ходе допросов удалось выбить показания, что второй секретарь Ленинградского горкома Я. Ф. Капустин, активный участник обороны города в годы войны, являлся «английским шпионом». Ему припомнили, что в 1935 году он проходил длительную стажировку в Англии на заводах «Метрополитен-Виккер», что он пользовался на заводе уважением и доверием, что у него был роман с его учительницей английского языка, предлагавшей ему остаться в Англии. Сочли, что все эти факты *«заслуживают особого внимания, как сигнал возможной обработки Капустина английской разведкой»*.

Другого обвиняемого — бывшего председателя Ленинградского облисполкома, назначенного первым секретарем Крымского обкома ВКП(б) Н. В. Соловьева — объявили «махровым великодержавным шовинистом» за предложение создать Бюро ЦК по РСФСР, образовать Компартию РСФСР. Его обвиняли также в том, что «находясь на работе в Крыму, делал резкие вражеские выпады против главы Советского государства». Тринадцатого августа 1949 г. при выходе из кабинета Г. М. Маленкова без санкции прокурора были арестованы А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, председатель Ленинградского исполкома горсовета П. Г. Лазутин и бывший председатель Ленинградского облисполкома Н. В. Соловьев.

Параллельно шел поиск компромата на Н. А. Вознесенского. Непосредственную работу по его дискредитации осуществлял председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов. Вознесенскому предъявили обвинения в умышленном занижении государственных планов, в искажении и фальсификации статистической отчетности, и, наконец — в утрате секретных документов в аппарате Госплана. Учитывая, что практически вся документация считалась секретной, то это обвинение было, по сути,

беспроницаемым. Девятого сентября 1949 года Шкирятов передал Маленкову решение КПК с предложением исключить Вознесенского из партии и привлечь к суду за утрату документов Госплана СССР. Это предложение утверждено опросом членов Пленума ЦК, и 27 октября 1949 г. Вознесенский арестован. Следствие проводилось Министерством госбезопасности и специальными следователями из числа сотрудииков ЦК.

Арестованных Кузнецова, Капустина, братьев Вознесенских, Родионова, Галкина (заместителя председателя Ленсовета) жестоко пытали. Непосредственное участие в допросах наряду со следователями МГБ принимали Маленков, Берия и Булганин. *«Когда я завел Вознесенского А. А., — вспоминал один из следователей МГБ, — в центральном кресле в роли основного допрашивающего сидел Маленков, в приставном кресле сидел Берия, облокотившись на спинку кресла, стоял Булганин. После посещения ими тюрьмы с обвиняемыми по «ленинградскому делу» «обстановка стала более жестокой, к каждому арестованному приставили 2-х следователей, а допросы стали длиться, как правило, до 4-х часов утра».*

Бывший первый секретарь Ярославского обкома партии И. М. Турко, объясняя, почему он подписал явно фальсифицированный протокол допросов, рассказывал: *«Видя этого человека (следователя МГБ Путинцева), зная, что в этих условиях они могут со мной сделать что угодно, я был совершенно обезволен. Они лишили меня всякого человеческого достоинства, и когда я, изнемогая, ползая и обнимая сапоги Путинцева, просил приостановить допрос, так как у меня начинались галлюцинации, я чувствовал, что теряю рассудок».*

Расследование (если этот термин здесь вообще можно употреблять) проводилось с средневековой жестокостью. Арестовывали и избивали беременных, арестовывали и истребляли людей целыми семьями. Кроме Н. А. Вознесенского арестованы его брат министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский, его сестра, М. А. Вознесенская, секретарь одного из ленинградских райкомов, и 14 жен и родственников других обвиняемых. Главным пунктом обвинения против Н. А. Вознесенского была утрата секретных документов. По этой статье, согласно Закону «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», принятому в 1947 г., предполагалось в качестве максимального наказания заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от десяти до пятнадцати лет. Смертная казнь в СССР после войны была официально отменена. В постановлении Верховного Совета СССР объявлено, что *«применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени. ...Идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, Президиум Верховного Совета СССР отменил смертную казнь».*

Однако для расправы над обвиняемыми 12 января 1950 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР *«О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам, ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры».* Последовал суд, будущие решения которого, в соответствии с обычной практикой, заранее утверждены Сталиным и Политбюро. Первого октября 1950 г. в час ночи оглашен приговор, по которому Вознесенский,

Кузнецов, Родионов, Попков, Капустин и Лазутин приговорены к расстрелу. Через час приговор был приведен в исполнение.

Аресты и судебные процессы продолжались и в течение следующих 1950—1952 гг. В архиве КГБ сохранился проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б), датированный августом 1949 г., которым указывалось Министерству госбезопасности *«выселить проживающих в гор. Ленинграде и Ленинградской области 1500 человек с семьями, из числа лиц, скомпрометировавших себя связью с троцкистами, зиновьевцами, правыми, меньшевиками, эсерами, немцами и финнами, на вечное поселение в Алтайский край, под надзор органов Министерства внутренних дел»*. Летом 1957 года Ф. Р. Козлов, секретарь Ленинградского обкома, заявил на Пленуме ЦК: *«Десятки тысяч ни в чем неповинных людей тогда выслали из Ленинграда в ссылки, в тюрьмы, и на расстрел пошли многие из них, многие из них погибли. Десятки тысяч ни в чем неповинных людей отправляли эшелонами»*.

Прилежный ученик Сталина — Маленков, человек с мягким, добрым, бабьим лицом, устранив Н. А. Вознесенского — опасного конкурента, «грамотного», с высшим образованием, в отличие от всей сталинской команды, даже доктора наук, — на всякий случай отправил под расстрел еще пятерых и десятки тысяч в ссылку. Но борьба за власть в Кремле и на Старой площади не прекратилась. Сталин присматривал за ними, вводя в политическую игру новые пешки, мечтающие пройти в ферзи. Интригуя, стравливая соратников, Сталин уже говорил о том, что его преемником на посту Председателя Совмина СССР может быть **Н. А. Булганин**.

Да, в послевоенный период возросло влияние Н. А. Булганина. В конце войны он занимал должность заместителя наркома обороны СССР (1944—1946 гг.); сразу после войны стал замминистра вооруженных сил СССР (1946—1947 гг.) В 1947 году он получил пост министра вооруженных сил, сочетая эту должность с должностью заместителя председателя Совмина СССР. В 1950 году Булганин стал первым заместителем председателя Совмина СССР. Странная это была фигура — спокойный, бездеятельный, как позже выяснилось, тайный алкоголик. Карьера Булганина основывалась на том, что он не был серьезным конкурентом, во всяком случае, на его положении в правящей верхушке не отразилось ни временное ослабление позиций Маленкова, ни крушение «ленинградской группы».

Мрачной, зловещей фигурой был **Лаврентий Берия**, интриган, который умел играть на болезненной подозрительности хозяина. По мнению его дочери Светланы Аллилуевой, Берия ненавидели все, кто был в окружении Сталина». Но возможно, именно из-за «несовместимости» Берия с остальным окружением Сталин держал его у руля министерства госбезопасности и внутренних дел с 1938 года.

Взлет политических карьер Маленкова и Берия пришелся на 1938 год. Именно тогда Маленков стал начальником управления кадрами ЦК ВКП(б), а Л. П. Берия 22 августа 1938 года назначен на должность первого заместителя наркома внутренних дел, а после ареста Ежова — на должность Наркома внутренних дел СССР. В феврале 1941 года Берия по совместительству назначили заместителем председателя СНК СССР, где ему поручили курировать работу НКВД, Наркомата госбезопасности, а также наркоматов лесной промышленности, цветных металлов, нефтяной промышленности и речного флота, где использовалась рабочая сила из

ГУЛАГа. «Без Берия буквально ничего уже нельзя было решить, — писал в мемуарах Хрущев. — Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись поддержкой Берия. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем, обязательно любое твоё дело обставит вопросами и контрвопросами, дискредитирует в глазах Сталина и провалит».

В конце войны Берия получил задание на организацию работ по созданию ядерного оружия. В постановлении ГКО СССР о лаборатории И. Курчатова от 3 декабря 1944 г. Берия поручалось «наблюдение за развитием работ по урану». 20 августа 1945 г. образован Специальный комитет под председательством Л. Берия в составе Г. Маленкова, Н. Вознесенского, Б. Ванникова, А. Завенягина, И. Курчатова, П. Капицы, В. Махнеева и М. Первухина. На комитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Жестокий, циничный человек, Берия был способным организатором, как это отмечали ветераны советской ядерной программы — академики А. Д. Сахаров и Ю. Б. Харитон. По его выражению, в случае провала испытаний он превратит исполнителей в «лагерную пыль», и те, кому адресовались эти слова, прекрасно знали, что это — не пустые угрозы.

Однако вскоре после окончания войны положение Берия пошатнулось. 29 декабря 1945 г. Л. П. Берия освобожден от обязанностей Наркома внутренних дел СССР, хотя остался заместителем председателя Совнаркома СССР. В официальном сообщении об его отставке, поразительно напоминавшем такое же сообщение об отставке Ежова, сообщалось: «Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу заместителя Председателя СНК СССР т. Л. П. Берия об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой. Народным комиссаром внутренних дел СССР назначен т. С. Н. Круглов».

В последние месяцы жизни Сталина над Берия нависла новая угроза. В Грузии расследовалось дело так называемой «мингрельской националистической группы», возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия, сфальсифицированное органами МГБ Грузинской ССР. Группа обвинялась в подготовке — с помощью империалистических государств — ликвидации советской власти в Грузии, а также в национализме и взяточничестве. В ноябре-декабре 1951 г. приняты постановления ЦК ВКП(б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия» и Совмина СССР «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов», после чего 37 партийных и советских работников Грузии арестовано, а более десяти тысяч человек высланы с территории Грузинской ССР в отдаленные районы Казахстана. «Большой мингрел», как Сталин иногда именовал Берия, сам чуть не попал под следствие.

«Ленинградское дело» закончилось полным торжеством Берия и Маленкова. Но через три года, уже после смерти Сталина, Берия, не без участия Маленкова, будет осужден и расстрелян. А еще через четыре года сам Маленков падет в борьбе с новым соперником — Никитой Хрущевым. **Н. С. Хрущев** на Старой площади не был новым человеком. В конце 20-х он учился вместе с Надей, женой Сталина, в Промакадемии. Работал в московской партийной организации в 30-е годы, в 1931 г. стал секретарем Бауманского райкома ВКП(б), затем, в 1934 г., —

секретарем Московского горкома, потом Московского обкома. В отличие от подавляющего большинства первых секретарей, он уцелел во время «великой чистки» 1936—1939 гг. и в 1938 г. стал первым секретарем ЦК компартии Украины. Естественно, вопреки своим последующим заявлениям и мемуарам, он принимал активное участие в репрессиях и сотрудничал с Маленковым и Берия.

В конце 1949 г. Сталин вызвал Хрущева в Москву и сказал ему: *«Мы хотим перевести вас в Москву. У нас неблагополучно в Ленинграде, выявлены заговоры. Неблагополучно у нас и в Москве, и мы хотим, чтобы вы опять возглавили Московскую партийную организацию»*. В мемуарах Хрущев написал: *«У меня сложилось тогда впечатление, что Сталин (он этого не сказал мне), вызывая меня в Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берия и Маленкова. Мне даже иногда казалось, что Сталин сам боится Берия, рад бы был от него избавиться, но не знает, как это лучше сделать. Перевод же меня в Москву как бы противопоставлял нас, связывая Берия руки»*.

По-видимому, после «ленинградского дела» очередь дошла до Москвы. Поводом стало письмо за подписью трех инженеров одного из московских заводов, в котором указывалось на недостатки в работе первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Г. М. Попова. Была образована комиссия Политбюро ЦК в составе Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, Л. М. Кагановича и М. А. Суслова для проверки указанных в письме фактов. По результатам проведенной проверки 12 декабря 1949 г. принято постановление Политбюро ЦК «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.», но отмечались и недостатки в деятельности бюро МК и МГК, например: *«Московский комитет проводит неправильную линию в отношении союзных министерств и министров, пытаясь подмять министров и командовать министерствами, подменять министров, правительство и ЦК ВКП(б)... МК и МГК ВКП(б), занимаясь в основном хозяйственными делами, не уделяют должного внимания вопросам партийно-политической и внутрипартийной работы»*.

В феврале 1950 г. освобождены от должностей второй секретарь обкома С. А. Жолнин, второй секретарь горкома И. А. Парфенов, секретари обкома О. В. Козлова и А. Я. Секачев, а в мае того же года освобожден от обязанностей председателя исполкома Мособлсовета П. Г. Бурыличев. Первым секретарем МК ВКП(б) назначили Н. С. Хрущева. Но все же это был не тот уровень, на котором можно было говорить о противовесе Берия. В это время влияние Хрущева несопоставимо с местом в кремлевском руководстве заместителей Председателя Совета Министров СССР Маленкова и Берия. Тем не менее, впоследствии Хрущев, сам участвовавший в репрессиях, стал ярким обличителем Берия — якобы главного виновника политических репрессий периода культа личности.

В последние годы жизни Сталин вынашивал планы радикального изменения в высших звеньях управления. Он избавлялся от ставших одиозными деятелей карательных органов. Арестованы и дожидались суда крупные деятели Министерства государственной безопасности во главе с министром В. Абакумовым. Началось «окружение» Берия. Ослабели позиции представителей «старой партийной гвардии» Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна. Последний при жизни Сталина XIX съезд КПСС прошел в октябре 1952 г., в те дни, когда полным ходом шло расследование дела Абакумова—Шварцмана.

Результатом «дела Абакумова-Шварцмана», «ленинградского дела» и выступления Сталина с критикой В. Молотова на пленуме ЦК стало новое изменение в руководстве партии. Если после XVIII съезда в составе Политбюро было девять членов и два кандидата, а в Секретариате — четыре члена, то на Пленуме 16 октября 1952 г. состав Президиума, сменившего Политбюро, включал 25 членов и 11 кандидатов, а Секретариат — 10 человек. Расширение состава Президиума ЦК КПСС после XIX съезда КПСС позволило Сталину создать своего рода «команду дублеров», которая могла в любой момент сменить старое руководство. Президиум ЦК стал питомником руководящих кадров. Однако реальная власть в партии оказалась в не предусмотренном уставом КПСС Бюро Президиума ЦК. В первоначальный состав Бюро вошли Сталин, Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Сабуров и Хрущев. Позже, от руки, туда вписаны фамилии Ворошилова и Первухина. В списке членов Бюро отсутствовали ветераны партийного руководства — Молотов и Андреев. Несомненно, что кандидатура Ворошилова возникла по ходу работы съезда или пленума.

После XIX съезда прошли новые аресты, на этот раз — в ближайшем окружении Сталина. Среди них были А. Н. Поскребышев, бессменный секретарь и помощник Сталина, генерал-лейтенант Н. С. Власик, начальник личной охраны Сталина, генерал-майор С. Ф. Кузьмичев, служивший в личной охране Сталина. В январе 1953 г. арестованы пять человек из ближайшего окружения Сталина — по обвинению в шпионаже.

Будни Министерства Государственной Безопасности.

Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Народная примета

МГБ, руководимое В. С. Абакумовым, выполняло наиболее важные поручения Сталина по политическому контролю над высшими должностными лицами страны. Так, МГБ провело расследование «дела авиаторов», руками сотрудников этого ведомства подготавливалась расправа над Г. К. Жуковым, собирался компромат на Маленкова, на других партийных и государственных деятелей. МГБ осуществляло совместно с ЦК КПСС и КПК при ЦК КПСС следствие по «ленинградскому делу».

В конце 1945 г. Л. П. Берия освобожден от должности наркома внутренних дел «ввиду перегруженности другой центральной работой», но НКВД-МВД оставалось важным центральным министерством. Однако карательные функции теперь сосредоточились в МГБ. Туда передан из Министерства внутренних дел в начале 1946 г. отдел спецзаданий (диверсии, терроризм), руководимый генерал-лейтенантом П. А. Судоплатовым (заместители — генерал-майор Н. И. Эйтингон, генерал-лейтенант Н. С. Сазыкин, и генерал-лейтенант А. З. Кобулов), одним из самых знаменитых дел которого было убийство Троцкого в 1940 году. В начале 1947 г. в структуру МГБ переданы внутренние войска МВД, его транспортное управление, охрана правительственных объектов в Крыму (Ливадийский, Воронцовский и Юсуповский дворцы). В ведение МГБ перешли также правительственная связь и воинские подразделения, обслуживавшие ее. В октябре 1949 г. из МВД в МГБ переданы пограничные войска и милиция.

Министерству внутренних дел, возглавляемому С. Н. Кругловым, кроме рутинных полицейских обязанностей оставили Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление военнопленных и интернированных (ГУПВИ), тюремное управление (заместитель министра В. В. Чернышов), участие в управлении советской зоной оккупации в Германии (первоначально — замминистра МВД И. А. Серов), борьбу с детской беспризорностью (замминистра Б. П. Обручников), Главное архивное управление, огромное число промышленных предприятий истроек, которые велись с участием МВД (геологические проекты, строительство гидросооружений, лесная промышленность, Дальстрой — комплекс геологических, промышленных и строительных предприятий на Колыме, замминистра С. С. Мамулов), а также так называемое Девятое управление (советский атомный проект, замминистра МВД генерал-лейтенант А. П. Завенягин). Завенягину подчинялся также Главпромстрой — строительство объектов оборонного значения.

В. С. Абакумов и И. А. Серов, первый заместитель министра внутренних дел, враждовали, что не составляло тайны для окружающих. Абакумов немало постарался для того, чтобы обвинить Серова в дружбе с Г. К. Жуковым. Серов обращался к Сталину с письмами, где содержались сведения о причастности Абакумова к служебным злоупотреблениям, а главное, по словам Серова: *«Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела — не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. ...Товарищ Сталин! Прошу Вас, поручите проверить факты, приведенные в этой записке, и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскроется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства государственной безопасности».*

Эти письма датировались: первое — 31 января 1948 г., второе — 8 февраля того же года. В первом письме Серов утверждал, что Абакумов из личной ненависти к нему, из-за опасения, что именно его, Серова, могли назначить на должность министра госбезопасности, приказал сотрудникам МГБ собирать на возможного соперника компрометирующий материал. Он отказывался признавать какие-либо злоупотребления, совершенные во время совместной с Жуковым работы в Германии. Во втором письме-доносе Серов припоминал, что не успели еще войска закончить освобождение Крыма, как там появился порученец Абакумова, чтобы на боевом самолете вывезти трофейное имущество. Не забыл Серов и о том, что осенью 1941 г. Абакумов заказал болотные сапоги, «чтобы удирать из Москвы».

В 1948—1950 гг. Сталин старался ослабить зависимость партийного аппарата от МГБ, создать альтернативные и МВД, и МГБ структуры. Так, функции внешней разведки переданы в созданное в структуре Министерства иностранных дел Бюро информации, фактически подчиненное ЦК КПСС. Секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков и председатель Комиссии партконтроля М. Ф. Шкирятов ввели в практику не только вмешательство партаппарата в ход следствия, что было обычно всегда в СССР, но и осуществление следственных функций во всем объеме. Маленков непосредственно участвовал в допросах, причем использовал для них комнату на пятом этаже ЦК, рядом с залом заседания Оргбюро ЦК ВКП(б), в «святая святых» ЦК, в его наиболее охраняемой зоне. В допросах участвовали и сотрудники ЦК, переодетые в форму офицеров госбезопасности.

Сталин создал отдельную, не подчиненную ни МГБ, ни МВД тюрьму для политических обвиняемых *«с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью, специальной охраной и штатом до 100 человек. Особая тюрьма была на улице Матросская тишина, 18»*. В этой тюрьме находились главные обвиняемые по «ленинградскому делу». Здесь содержались и поэт Фефер, один из руководителей Советского еврейского антифашистского комитета и давний секретный осведомитель НКВД, что не избавило его от ареста, и подполковник Федосеев, служивший в охране Сталина, и начальник сталинского секретариата Поскребышев. В сейфе Маленкова позже обнаружат конспект вопросов, которые следовало задать Федосееву, и ответов, которые следовало от него получить. Этот конспект хранился рядом с записями Маленкова о создании особой тюрьмы, сведениями об организации подслушивания высшего командного состава и проектом постановления Президиума ЦК КПСС о назначениях на государственные должности сразу же после смерти Сталина. Маленков объяснял, что конспект допроса и ответы продиктованы ему непосредственно Сталиным.

В марте 1950 г. Федосеева допрашивает лично Маленков. Следователь Клейменов вспоминал: *«...мы доставляли в ЦК КПСС на допрос т. Маленкову заключенного И. И. Федосеева. Везли на машине «Победа» вдвоем, заезжали с Ипатьевского переулка и поднимались особым лифтом. Доставляли в комнату. Комната была без окон. Федосеева жестоко избивали, он жаловался, что в «особой тюрьме, где он сидел, были созданы такие условия, когда из разных углов все время был шепот, шорох, кто-то все время говорил: «признайся, признайся, ты предатель»»*. Жестокие допросы Федосеева были попыткой собрать «компромат» на руководство МГБ СССР. Как показали последующие события, не случайно в особую тюрьму заключили и Фефера.

Двенадцатого июня 1951 г. к особой тюрьме подъехала машина. Из машины вышли генерал-лейтенант Н. П. Стаханов, начальник Главного управления погранвойск МГБ, С. А. Гоглидзе, заместитель министра госбезопасности и два сотрудника военной прокуратуры. Вместе с ними был, как отметил начальник тюрьмы, министр госбезопасности Абакумов. Гоглидзе обратился к Клейменову: *«Вы знаете этого человека? Примите его как арестованного»*. На следующий день в особую тюрьму были заключены сотрудники следственного отдела МГБ Леонов, Лихачев и Шварцман.

Арест состоялся. Но формальных обвинений предъявлено не было. Абакумова даже не освободили от должности министра. На роль непосредственного обвинителя Абакумова определили следователя по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина. Ему поручалось «озвучить» обвинения, уже подготовленные в «особой тюрьме». Второго июля 1951 года он обратился с письмом на имя Сталина, в котором писал, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела о «еврейском националисте» враче Я. Г. Этингере, позволявшее, по словам Рюмина, получить сведения о вредительской деятельности врачей. Донос немедленно возымел действие. Его ждали. Уже 4 июля 1951 г. принято постановление Политбюро, которым поручалось создать комиссию по проверке заявления Рюмина. В комиссию вошли: Маленков (председатель), Берия, Шкирятов и С. Игнатьев. Комиссия должна была в течение 3—4 дней проверить факты, сообщенные Рюминым.

Спираль следствия стремительно раскручивалась. Допрошены: начальник следственной части по особо важным делам Леонов и его заместители Лихачев и Комаров, начальник второго главного управления (контрразведки) Шубняков, его заместитель Тангиев, помощник начальника следственной части Путинцев, заместители министра МГБ СССР Огольцов и Питовранов.

Комиссия установила: Этингер — врач, арестованный МГБ, — «без какого-либо нажима» признал, что при лечении первого секретаря Московского горкома ВКП(б) А. С. Щербакова «имел террористические намерения». Комиссия подчеркнула преюбленность этого дела с политическими процессами 30-х гг., с обвинениями врачей Плетнева и Левина в злоумышлении против здоровья Куйбышева и Горького. Абакумов, по мнению комиссии, проявил здесь, по крайней мере, преступную халатность. Он считал эти показания надуманными, *«заявил, что это дело заведет МГБ в дебри»*. Министра обвинили в том, что он приказал перевести Этингера в холодную тюремную камеру, что стало причиной смерти важного подследственного, наступившей 2 марта 1951 г.

Министру поставили в вину и другие происшествия — бегство весной 1950 г. в американскую зону оккупации в Германии заместителя генерального директора акционерного общества «Висмут» Салиманова, связанного с советской ядерной программой и добычей урана в Германии. Абакумова обвинили в том, что он, зная об аресте участников «еврейской антисоветской молодежной организации», зная про их показания о «террористических планах против руководства партии и государства», не настоял на включении их в протоколы допроса.

Психоз Сталина прогрессировал. Он уже не доверял не только евреям, но и Министерству государственной безопасности. Существует запись того, что говорил Сталин во время встречи с ближайшим окружением на даче первого декабря 1952 г.: *«Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, явилось благодушие, ротозейство, зазнайство... Среди врачей много евреев националистов... Неблагополучно в МГБ. Притупилась бдительность. Они сами признались, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить МГБ. ...МГБ не свободно от опасности для всех организаций — самоуспокоение от успехов, головокружение. ...Необходим контроль со стороны ЦК над работой МГБ. Лень, разложение глубоко коснулись МГБ»*.

Комиссия Политбюро по проверке деятельности МГБ почти точно повторила письмо Рюмина Сталину. Деятельность Абакумова квалифицировалась как преступление против партии и государства. Министерству госбезопасности предписывалось возобновить следствие *«по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации»*. В МГБ послан заведующий отделом партийных и комсомольских органов С. Д. Игнатъев — в качестве представителя ЦК ВКП(б). На основании выводов комиссии Маленкова, загодя подготовленных тем же Маленковым, 11 июля принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в МГБ СССР», а двумя днями позже — 13 июля 1951 г. — по партийным организациям страны разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б), ставшее, по сути, первым обвинительным заключением против Абакумова.

В жернова следственной мельницы затягивало все новых людей. После каждой серии допросов составляли отчет на имя Сталина, а копию отчета посылали Маленкову. В каждом протоколе допросов фамилии арестованных, упоминавшихся при предыдущих допросах, впечатывали крупными буквами. Фамилии же людей, находившихся на свободе, вписывали от руки. Проходило несколько дней, и машинистке в список добавляли новые фамилии. В этой дьявольской механике на роль «козла отпущения» был назначен В. С. Абакумов.

Виктор Семенович Абакумов родился в 1908 году в Москве. Согласно его анкете: происхождение — из рабочих, образование — низшее, специальности не имеет, воинское звание — генерал-полковник, член ВКП(б) с 1930 г. Чекистский стаж с 1932 г. Начал работать с 12 лет, 19 лет стал стрелком военизированной охраны, 24 лет начал свою карьеру в НКВД, сначала — уполномоченным, потом оперуполномоченным ГУЛАГа. В 1937—1938 гг. служил в Главном управлении госбезопасности НКВД, отсюда получил назначение на должность начальника НКВД Ростовской области; в 1940 г. он стал заместителем наркома внутренних дел, за восемь лет пройдя путь от уполномоченного до заместителя наркома. В войну — начальник управления особых отделов НКВД, начальник управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны.

В 1946 г. он назначен министром государственной безопасности. Две квартиры в Москве, в одной из которых — 120-метровой, украшенной дубовыми панелями, красным деревом, старинной мебелью, бесчисленными коврами, жила его жена, в другой — трехсотметровой, в Колпачном переулке — он сам с любовницей. Чтобы министр госбезопасности мог вселиться в эту квартиру, потребовалось отселить 16 семей. Квартиры ломались от столовых и спальных гарнитуров, невиданных в тогдашней Москве заграничных холодильников; в квартире было 13 радиоприемников и радиол, 30 наручных часов и сотни метров ткани — отрезков — символов послевоенного благополучия. Все это материальное благополучие создавалось при личном участии и в соответствии с представлениями о счастливой жизни министра госбезопасности, генерал-полковника с низшим образованием. Если к тому добавить ящик с 300 корнями женьшеня и имевшийся по существу в его личном распоряжении гараж со многими десятками легковых автомобилей, то можно считать, что Виктор Абакумов основательно готовился к долгой и счастливой жизни.

Абакумов понимал всю тяжесть предъявляемых ему обвинений. *«В большой спальне, в платяном шкафу, в белье, обнаружена папка с большим числом совершенно секретных документов, содержащих сведения особой государственной важности»*. Он пытался оправдаться, отправив письма Сталину, Маленкову, Берия, Шкирятову, Игнатьеву. В них Абакумов попытался изложить свою версию случившегося. Согласно ей, в поле зрения Второго Главного управления МГБ Этингер попал не позднее 1949 г. Он *«неоднократно допускал враждебные выпады против Вождя, что было зафиксировано оперативной техникой»*. Уже в ноябре 1949 года рассматривалась возможность ареста Я. Г. Этингера. Однако руководитель личной охраны Сталина генерал-лейтенант Власик передал установку: Этингера и другого крупного ученого — биохимика, специалиста-онколога, Героя Соцтруда — И. Збарского, мумифицировавших тело Ленина, перевести на менее заметные должности и уже потом арестовать. МГБ 15

апреля 1950 г. просило у ЦК ВКП(б) разрешение на арест Этингера. Санкцию на арест тогда не получили. *«Такие аресты, как аресты ученых, — писал в свое оправдание Абакумов, — всегда являлись важными, и к ним по указанию ЦК ВКП(б) мы подходили всегда с особой тщательностью»*. 16 ноября Абакумов вновь направил записку, на этот раз — Сталину, в Сочи, с просьбой дать разрешение на арест Этингера. Эта записка была у Поскребышева, затем попала к Булганину. Тот запросил Абакумова, «как быть?», и «я, — писал опальный министр госбезопасности, — ему ответил, что Этингер большая сволочь и его следует арестовать, после чего тов. Булганин дал согласие на арест».

Во время допросов Этингера, проходивших с участием Абакумова, министр требовал от подсудимого признаться, «как он залечил Щербакова». Этингер же пытался объяснить, что Щербаков был тяжело болен, сообщал всякие непонятные и раздражавшие Абакумова медицинские сведения, из которых, однако, следовало, что врачом, лечившим Щербакова, был не Этингер, а Виноградов, а Этингер только консультантом, «а называя Виноградова, он ничего отрицательного о нем не показал». Абакумов отрицал обвинение, что по его приказу арестованного перевели в холодную камеру, что стало, якобы, причиной его смерти. Содержание заключенного определял следователь Рюмин, «и умер Этингер, придя с допроса от тов. Рюмина».

Однако объяснения Абакумова не приняли в расчет его следователи. Рюмин, лично выдвинутый для работы в центральном аппарате МГБ самим Абакумовым за несомненные палаческие достижения, предъявил новые обвинения в адрес своего бывшего министра. Рюмин утверждал, что от него требовали при допросах собирать компрометирующие данные против руководящих государственных и партийных работников. Среди тех, против кого собирался компромат, были Ванников и Завенягин, организаторы работы по созданию советского ядерного оружия, тесно связанные с Л. П. Берия.

В ходе расследования установлено, что по личному распоряжению подчиненного Абакумову министра госбезопасности Грузии Н. М. Рухадзе организован сбор компромата на самого Берия. В квартире у матери Берия в Тбилиси установлена подслушивающая аппаратура, МГБ «разрабатывал» казавшиеся подозрительными связи мужа сестры Берия.

Абакумову предъявляли и другие обвинения — нарушение процедуры следствия, фальсификация допросов. Здесь оправдания бывшего министра более убедительны. На допросе 10 августа 1951 г. он сообщил: «В ЦК ВКП(б) меня и моего заместителя Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к арестованным — шпионам и другим преступникам». Действия Абакумова действительно были санкционированы высшим политическим руководством страны. Девятого сентября 1950 года, менее чем за год до начала «дела Абакумова», принято постановление Политбюро, по которому в структуре МГБ создавалось Бюро-2, которому поручалось: *«выполнять специальные задания внутри Советского Союза по пресечению особыми способами вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами»*. Функции этого отдела были исключительно широки: это *«наблюдение и подвод агентуры к отдельным лицам, а также пресечение преступной деятельности путем компрометации, секретного*

изъятия, физического воздействия и устранения». Тщательный, глубоко засекреченный механизм слежки распространялся и на высшее руководство страны. Абакумов становился, таким образом, опасным для многих участников борьбы за власть.

В конце концов, Абакумову предъявили формальные обвинения — в измене Родины в связи с отказом от расследования деятельности еврейских террористических организаций и утратой секретных документов. Последнее обвинение, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г., устанавливавшим ответственность за разглашение секретных сведений и утрату документов, совпадало с таким же обвинением, несколько раньше предъявлявшимся Вознесенскому.

Вместе с Абакумовым арестовали большинство руководителей МГБ. В извечном соперничестве карательных органов верх брало МВД в союзе с Маленковым. Арестованы были заместители министра МГБ Огольцов и Питовранов, руководитель начальника следственной части Леонов и его заместители Лихачев, Комаров и Соколов, начальник отдела «Д» МГБ А. М. Палкин, бывший начальник Первого Главного управления МГБ Г. В. Утехин, помощник Абакумова Броверман. Среди многочисленных обвинений, предъявленных им, обратим внимание на то, что они допускали *«в следственной работе грубые нарушения социалистической законности... по большинству дел допросы арестованных не фиксировались протоколами... применялись к арестованным извращенные методы следствия и, в частности, широко было распространено применение к арестованным физических мер воздействия, санкционированные во всех случаях бывшим министром Абакумовым».* Таким образом, в вину МГБ были поставлены не фальсификация, не вздорные обвинения, не пытки, а недостаточно интенсивное раскручивание дела.

Вскоре организаторы «дел» зацепили еще одну группу сотрудников МГБ, на которых обрушились репрессии. Начались аресты евреев-чекистов. В ход пошло обвинение, что следователи МГБ под давлением Абакумова умышленно игнорировали связь обвиняемых по «ленинградскому делу» с иностранными разведками. Абакумову припомнили, что он говорил: *«Какой тут может быть шпионаж, если все арестованные являлись руководящими партийными работниками и никто из них, кроме Капустина, с иностранцами не встречался».* Это обвинение выдвигалось и против одного из заместителей Абакумова — Огольцова, *«который сидел на допросах обвиняемых молча... и чувствовал себя несколько стесненно, поскольку в прошлом он сам работал в Ленинграде заместителем начальника управления МГБ».* Расследование в МГБ затронуло его разведывательную деятельность.

Из редакционных помет Сталина на проекте обвинительного заключения очевидно, что он лично руководил следствием и определял степень виновности. Он использовал дело Абакумова—Шварцмана для того, чтобы найти в нем объяснение и оправдание большинству политических репрессий послевоенного времени. Суть редакционных помет Сталина сводилась к стремлению подчеркнуть роль Абакумова как человека, приложившего усилия для того, чтобы спрятать от следствия связи врага народа Кузнецова с иностранной разведкой. В обвинительном заключении «дело о врачах-вредителях» объединялось с делом о

террористах из числа сотрудников МГБ и подкреплялось антисемитским духом. В нем сообщалось, что Власик — начальник личной охраны Сталина — видел письмо врача-кардиолога Тимашук, не согласной с официальным диагнозом А. А. Жданова, датированное 29 августа 1948 г.; 30 или 31 августа он передал это письмо Абакумову. Отсюда следовало заключение: «Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу... иностранным шпионам террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову». На полях Сталин дописал: «Жданов не просто умер, а был убит Абакумовым».

Редактор обвинительного заключения стремился подчеркнуть личную виновность Абакумова. Вместо первоначальной формулировки: *«Действуя, как подрывники, Абакумов и его соучастники Леонов и Комаров игнорировали указания ЦК КПСС о расследовании связей (вписано Сталиным — спрятать от следственных властей неоднократные уловки) — с иностранной разведкой, врага народа Кузнецова и участников его изменнической группы, орудовавшей в партийном и советском аппарате (вписано Сталиным — в Ленинграде). В преступных целях они (Сталин — он) ориентировали (Сталин — ориентировал) следователей на то, чтобы рассматривать дело Кузнецова и его единомышленников в виде отдельной локальной обособленной группы, не имеющей связей с границей»*. Абакумова также обвиняли в попытках организации убийства Маленкова. Таким образом, его напрямую связали с показаниями Шварцмана о якобы готовившемся им покушении на Маленкова.

В январе 1952 года Игнатъев проинформировал Сталина о якобы имевших место утечках информации из Политбюро в Англию в конце 30-х — начале 40-х годов. Сведения об этой утечке стали известны вскоре после войны, делом занимался один из руководителей МГБ Райхман, заместитель начальника Второго Главного управления МГБ, однако расследование не дало положительных результатов. Эта информация непосредственно касалась высшего политического руководства в стране, и, значит утечка информации, по оценке С. Д. Игнатъева, происходила как минимум из секретариата одного из членов Политбюро ЦК.

Параллельно с этими процессами продолжалось и «мингрельское дело». Четвертого февраля 1953 г. Игнатъев направил Сталину протоколы допросов арестованного министра госбезопасности Грузии Н. М. Рухадзе. Материалы допросов свидетельствовали об острейшем соперничестве в Грузии, о смене нескольких секретарей ЦК КП Грузии в связи с обвинением в национализме, о широких масштабах сбора компромата на руководителей республики, о том, что компрометирующие материалы собирали и на самого Л. П. Берия. Существует подозрение, что «мингрельское дело» раскручивалось по заказу самого Сталина против Берия.

Новые назначения, сделанные после XIX съезда, создали «кадровый потенциал», который с успехом мог заменить старый эшелон власти — так, как С. Д. Игнатъев заменил В. С. Абакумова на посту министра МГБ. Явно готовилась смена высшего политического руководства страны — по сценариям процессов 1937—1938 гг. Однако смерть Сталина — режиссера этого страшного спектакля — прервала его осуществление.

Между тем страна старательно работала, ничего не зная о разборках в кремлевских коридорах. Создание советской атомной бомбы в 1949 г. положило конец американской монополии на самое разрушительное оружие. Испытание в СССР термоядерной бомбы в августе 1953 г., состоявшееся вскоре после смерти Сталина, свидетельствовало о том, что еще недавно отстававшая от Запада советская ядерная физика взяла реванш. Запуск первого советского спутника в октябре 1957 г. также стал возможным благодаря развитию науки и техники. Вопреки системе, которая мешала жить и работать ученым и инженерам, они творили славу и процветание страны. Кого-то осуждали «за преклонение перед Западом», кого-то, как, например, С. П. Королева, Л. Д. Ландау, А. Н. Туполева, подержали в тюрьмах. В тюрьме погиб Н. И. Вавилов и тысячи других талантливых ученых. Как бы процветала Россия, если бы не Сталин и его камарилья!